

Военная история российской провинции конца XVIII века: полезное знание или анекдот?

Военная история России конца XVIII века, вероятно, представляет собой один из самых интересных периодов в жизни страны по обилию ярких событий, имен, блистательных побед. Военный гений А. В. Суворова, морское новаторство Ф. Ф. Ушакова, реформаторская и организаторская деятельность Г. А. Потемкина. В это время начиналась боевая биография М. И. Кутузова, П. И. Багратиона и многих других впоследствии известных военачальников. Павловские вахтпарады и суворовские «чудо-богатыри», Чесма, Корфу, Измаил, Прага. Войны с Турцией, Швецией, разделы Польши, Итальянский и Швейцарский походы. Символом завершения военной эпохи XVIII века станет «Снигирь» Г. Р. Державина, а небо Аустерлица, как и его солнце, начнет новое, не менее яркое, но уже иное измерение военной истории России.

Нет никаких оснований для сомнений в том, что основные события военной истории страны связаны с армией, находившейся большей частью на юге и западной границе, а также гвардией, остававшейся в Петербурге. Многие аспекты военной истории этого времени стали объектом внимания исследователей¹. Парадоксально, но насколько подробно и широко она освещена в специальных работах и обобщающих трудах, настолько скудно и узко рассмотрены вопросы военной истории российской провинции в региональной историографии. Те отрывочные сведения из военной сферы, которые приводятся в региональной литературе, не увязываются причинно-следственными связями с историей русской армии в целом, с историей военного строительства, гражданской историей края и носят скорее анекдотический характер (если понимать под анекдотом короткий рассказ об историческом лице, происшествии²).

В данной статье мы хотели бы проанализировать отдельные факты военной истории России последней трети XVIII века, тесно связанные с историей Южного Урала, но упорно обходимые исследователями, опирающимися на непроверенные в архивах сведения своих предшественников, превращающих военную историю российской провинции в анекдот. Получение полезного знания позволяет читателю не только избавиться от историографических мифов прошлого, но и не поддаться искусству следования построениям современных мифотворцев, коим, к великому сожалению, «несть числа». Хронологические границы такого анализа очерчивают события, происходившие в крае после подавления Крестьянской войны под предводительством Е. И. Пугачева, когда налажился распорядок несения пограничной службы башкирами, мишарями, калмыками и казаками, а значительный контингент регулярной армии, направленной для подавления народного движения, был выведен из Южного Урала на места своего постоянного расквартирования.

Мы специально не касаемся темы военной истории восстания Е. И. Пугачева, по-

сколькo оно никогда не изучалось в этом ракурсе, а работы авторов прежних лет не позволяют читателю понять логики военных действий. У них что ни бой или столкновение, то обязательно «сражение», «битва». Правительственные войска — конечно же, «каратели», хотя разница между карателями, занимавшимися выявлением участников движения и их наказанием, и армейскими частями, которые ведут боевые действия с вооруженным противником, существует. Офицеры русской армии, верные присяге и победившие в боях повстанцев, конечно же, бездарны, жестоки, истинные «царские сатрапы». Предводители восставших, потерпевшие в военном отношении неудачу, разумеется, мужественные, смелые, талантливые командиры. Красное полотнище советской мифологии еще пока закрывает от исследователей военной истории эту тему, благодаря чему до сих пор специалисты по Крестьянской войне Е. И. Пугачева поражают нас новыми «откровениями» на эту тему.

Так, на круглом столе «Салават Юлаев — национальный герой и поэт-импровизатор», проходившем в Оренбурге в апреле 2004 года, профессор Н. М. Кулбахтин сообщил, как указано в репортаже, следующее: «Оказывается, Салават Юлаев был единственным военачальником-“инородцем” в пугачевской армии, использовавшим в своем войске артиллерию и весьма умело с нею управлявшимся. Кроме того, башкирский полководец — потомок легендарного Шагали-шахмана — искусно применял башкирскую тактику ведения боя: наступать лавой, охватывая противника сразу с обоих флангов, при неудачной атаке отступать в разные стороны. Подобная тактика лишала противника возможности преследовать сразу весь отряд.

Салават Юлаев, участвуя в 30 сражениях в течение года, несколько раз терпел поражение, но ни разу не потерял своего войска. Он значительно усовершенствовал военное искусство того времени, внедрив иную тактику захвата городов-крепостей. Классическим способом взятия такого вида укреплений в ту пору считалась осада. Крепости предпочитали брать измором, пока умирающие с голоду защитники не сдавались на милость победителю. Юный Салават, скорее всего, ничего этого попросту не знал и стал брать города по своему разумению — штурмом, предварительно предъявив противнику ультиматум о добровольной сдаче. Остальные пугачевские военачальники, видя эффективность такого рода атаки, взяли эту тактику себе на вооружение, в том числе и сам Пугачев, который подобным образом овладел Казанью»³.

Что сказать, когда нечего говорить? Хочется верить, что автор кое-что напугал. А если всерьез, то тактика атаки лавой зародилась у монголов, затем ее использовали все тюркские племена кочевников, в том числе башкиры, и в конце концов заимствовали казаки. Связана она была с основным вооружением степного воина — луком и стрелами — и позволяла, охватывая противника, обстреливать его с флангов. Лава помогала в процессе атаки менять центр главного удара, отчего противник не мог своевременно подготовиться к отпору. Эта тактика удивляла теоретиков европейской кавалерии своей «простой сложностью». Артиллерию в разной степени использовали все отряды пугачевцев, где она имелась. Тактика взятия городов штурмом была известна задолго до Салавата Юлаева. Сам он, кстати, очень долго безуспешно осаждал Кунгур и никак не мог

взять его штурмом. То же самое было с Оренбургом, Уфой и другими крепостями, оборона которых осуществлялась более грамотными в военном отношении людьми и по уставам армии того времени. Пугачев овладел Казанью-городом, но не кремлем. Затем в полевом сражении его войско было разбито; другого исхода, как бы этого ни хотели специалисты по Крестьянской войне, быть не могло.

Значительный интерес, связанный с военной историей России и Оренбургского края как одной из ее провинций, вызывает рубеж 1780—1790-х годов. В это время Российская империя находилась в сложной внешнеполитической ситуации, связанной с одновременным ведением двух войн и подготовкой к третьей. На юге с 1787 по 1791 год шла русско-турецкая война. Несмотря на крупные победы, одержанные войсками под предводительством Г. А. Потемкина и А. В. Суворова, противник имел достаточно сил для продолжения борьбы. Австрия, союзник России, после смерти императора Иосифа II под давлением Пруссии начала в 1790 году сепаратные переговоры с противником. Боевые действия российских войск начались лишь в октябре и закончились 11 декабря 1790 года штурмом Измаила.

Одновременно Швеция, используя связанность российской армии боевыми действиями с Турцией, начала войну с Россией, осадив в 1788 году крепость Нейшлот. 38-тысячной шведской армии противостояла 14-тысячная российская, состоящая под командой графа В. П. Мусина-Пушкина. Эта армия ускоренно пополнялась гарнизонными командами, рекрутами, спешно формируемыми иррегулярными частями. Но уже в августе шведы вынуждены были снять осаду, а в следующем 1789 году, доведя свои войска до 20 тысяч, В. П. Мусин-Пушкин начал вести наступательные действия в шведской Финляндии. Параллельно шли бои на море. В 1790 году армию возглавил новый главнокомандующий граф И. П. Салтыков. 3 августа 1790 года в Верелэ был подписан мирный договор.

В течение 1788—1790 годов правительство принимало ряд мер для укрепления вооруженных сил. Одной из них была переброска значительных воинских команд из Оренбургской губернии для усиления армии в Финляндии. В XVIII веке это была первая командировка за пределы края, в которой участвовали совместно башкиры, мишари, оренбургские казаки и калмыки.

Как ни странно, но в работах по истории Оренбургского края этому событию уделено мало внимания. Так, в сборнике песен оренбургских казаков сообщается, что в 1790—1792 годах 150 казаков участвовали в шведской кампании, 20 урядников и казаков получили похвальные аттестаты от начальника команды секунд-майора Бориса Мертваго⁴. В «Хронике казачьих войск» указано: «165 оренбургских казаков с двумя офицерами командированы в 1790 г. в Финляндию. По заключении мира... эта сотня держала кордоны на р. Западной Двине на границе Курляндии и Польши. В войско сотня возвратилась в 1792 г.»⁵; «Вместе с мишарями и оренбургскими казаками более 2000 башкир были командированы в Прибалтику, где в составе четырех пятисотенных полков воевали в Финляндской армии под командованием М. И. Кутузова»⁶. Об участии 150 калмыков в войне со Швецией в 1790 году писал Т. И. Беликов⁷.

Современные авторы не добавили ничего нового к прежним сведениям. «В 1790 г. казаки войска впервые приняли участие во внешней войне со Швецией... сражались 165 казаков... сотник Никита Авдеев, урядник Василий Падуров, Осип Стариков, вахмистр Иван Попов»⁸. «В Финляндию был переброшен... отряд из 150 оренбургских казаков... начальник команды секунд-майор Борис Мертваго. Сражались, и достаточно успешно, на этой войне также башкирские команды»⁹. «Башкиры участвовали в походах русских войск во время турецкой, польской и шведской кампаний»¹⁰.

Таким образом, мы располагаем сведениями о том, что в русско-шведской войне участвовали 165 оренбургских казаков с двумя офицерами, один из которых секунд-майор Борис Мертваго, 150 калмыков, четыре пятисотенных башкирских полка, мишари. Информация отрывочна, в большей степени анекдотична. Возникает ряд вопросов. Если казаков сопровождали офицеры, то почему их не было с башкирами и калмыками? Если они были, то кто эти офицеры? Почему речь идет о Прибалтике, когда боевые действия шли в Финляндии?

Обращение к архивным материалам, хранящимся в фондах Военно-исторического архива, позволяет получить ответ на поставленные вопросы. Свидетельствами служат письма О. А. Игельстрома и рапорты И. П. Салтыкова Н. И. Салтыкову за 1792 год, формулярные списки офицеров.

В письме-рекомендации от 1 марта 1792 года, отправленном Н. И. Салтыкову О. А. Игельстромом из Пскова, последний просит наградить «подносителя сего, Оренбургского драгунского полка капитана Мертваго, которой в бывшую со шведами войну, имея под начальством своим оренбургских казаков, отличил себя усердием к службе, столько же и в деле с неприятелем, во время пребывания шведской флотилии при Кирк-Биорке, а потом находился до самого окончания войны под команду господина генерал-поручика барона Шульца»¹¹. Таким образом выясняется, что офицер Мертваго участвовал с казаками в боях на острове Кирк-Биорке с 26 мая по 22 июня 1790 года. Кроме того, воевал он в чине капитана, а секунд-майорский чин получил уже после марта 1792-го. В войне со шведами участвовали четыре башкирских и один мишарский полки, калмыки Ставропольского калмыцкого войска. Кто ими командовал? Если у оренбургских казаков командиром был капитан Оренбургского драгунского полка Мертваго, то, вероятнее всего, их командиры были также из этого полка. Формулярные списки офицеров Оренбургского драгунского полка за 1790 год показывают, что капитана Мертваго звали не Борисом, а Степаном, и он действительно был отряжен с оренбургскими казаками в Финляндскую армию. До него в 1788 году были направлены туда же командиром 1-го Башкирского полка капитан Степан Суворов, с ним вахмистры Иван Аничков и Максим Романов. В командовании башкирскими полками были капитаны Федор Дмитриев и Петр Красовский, командиром ставропольских калмыков был поручик Осип Улин. Башкирским и мишарским полками, посланными в 1790 году, командовал прапорщик Иван Тарновский, с ним были вахмистры Степан и Иван Половинские, подпрапорщик Егор Лазарев, прапорщик Степан Карякин¹². Многие офицеры полка были командированы в армию А. В. Суворова¹³.

После окончания войны 2-й и 3-й Башкирские полки отправились домой. О дальнейшей деятельности оставшихся частей говорит рапорт И. П. Салтыкова, бывшего командующего Финляндской армии, а в 1792 году командовавшего Двинской армией, располагавшейся на границе Курляндии с Польшей. Рапорт датирован 2 июня 1792 года. Напомним, что 18 мая стотысячная армия под командой генерал-аншефа М. В. Каховского двинулась через Волынь в Польшу, и в июле российские войска были в Варшаве. Задачи же Двинской армии в мае — пограничная служба, защита Прибалтики от возможных действий Пруссии. После того как ситуация в Польше нормализовалась, в октябре 1792 года И. П. Салтыков представил в Военную коллегию рапорт об отправке оставшихся иррегулярных частей на родину¹⁴.

Таким образом, в шведской войне в 1790 года приняли участие 1-й и 4-й Башкирские, 1-й Мишарский пятисотенные полки, команды оренбургских казаков в 165 человек и ставропольских калмыков — в 150, а всего около 3000 человек, направленных из Оренбургской губернии. 1-й и 4-й Башкирские, 1-й Мишарский полки, команды казаков и калмыков несли затем пограничную службу в Двинской армии, то есть участвовали во втором разделе Польши в составе российских войск. В это же время для участия в войне против Польши с 1790 года формировался в Уфе пятисотенный конный полк из тептярей и бобылей¹⁵. Одновременно казаки, башкиры и мишари несли линейную службу на Оренбургской линии. Только летом 1791 года на ней находилось 6984 башкир и 563 мишаря¹⁶. А в целом в 1790—1792 годах с учетом полков на западной границе башкиры выставили около девяти тысяч, а мишари — тысячу конных воинов.

Тревожные события 1788—1792 годов позволили государству по-иному взглянуть на иррегулярные войска юго-востока России, достойно оценить их мобильность, возможность широкого применения. Они стали толчком для создания тептярских полков, просуществовавших до середины 1840-х годов. Изменилась и военная организация башкир и мишарей. Во время боевых действий в XVIII веке они привлекались в состав сотенных, тысячных, двухтысячных команд. Полковая пятисотенная организация явилась средством унификации всей иррегулярной кавалерии и приближала башкир и мишарей к казакам. В целом в отношении казаков, башкир, мишарей и калмыков военное руководство страны пришло к мнению о целесообразности дальнейшего привлечения их в состав армии. Активное использование иррегулярных войск юго-востока России в наполеоновских войнах начала XIX века было напрямую связано с участием страны в шведской и польской войнах 1788—1792 годов. Таким образом, случай привлечения воинских сил из иррегулярной и армейской кавалерии Оренбургского края в конце XVIII века нельзя рассматривать как частное событие, некий исторический анекдот. Он оказал решающее влияние на историю Южного Урала в первой половине XIX века. С другой стороны, он показал степень напряжения сил Российской империи, вынужденной для реализации своих амбициозных внешнеполитических планов на Балканах и в Европе практически оголеть в военном отношении юго-восточную границу. Этот опыт привел впоследствии к тому, что в начале XIX века все регулярные части, находящиеся в Сибири и на Южном Урале, были направлены в армии, находящиеся на западной границе,

для участия в наполеоновских войнах. Охрана Сибирской и Оренбургской пограничных линий легла на плечи иррегулярных войск.

Началом такой практики в отношении армейских частей стало отправление Молодо-Баденского полка, сформированного в крае, в состав армии в 1797 году. В 1796-м император Павел I сформировал оренбургские полевые батальоны в Бутырский, Уфимский, Рыльский и Екатеринбургский мушкетерские полки. 31 января 1797 года Бутырский полк был переименован в честь своего шефа, принца Баденского Младшего, в Молодо-Баденский. В том же году направлен в армию.

В 1799 году Молодо-Баденский мушкетерский полк принял участие в Итальянском и Швейцарском походах А. В. Суворова. Укомплектованный в большой степени офицерами-дворянами Оренбургской губернии и солдатами, несшими ранее службу в оренбургских полевых батальонах, полк отличился в Итальянском походе. Одним из тяжелейших сражений этой кампании была битва при Требии, шедшая три дня — 6—8 июня. Русские солдаты совершили ускоренный марш, пройдя за 48 часов 87 верст под палящим солнцем (почти бегом), и сразу вступили в бой. Дорога была усеяна упавшими и впоследствии умершими от изнеможения солдатами, но сражение было выиграно. Противник не ожидал внезапного прибытия русской армии. А. В. Суворов лично вел русские войска в атаку. За героизм в этом сражении полк получил коллективную награду — «поход за военное отличие» (особый барабанный бой).

Часть офицеров других полков, оставшихся в Оренбургском крае, была командирована в состав полков войск А. В. Суворова. Так, в Уфимском мушкетерском полку с ноября 1796-го до 24 декабря 1797 года командиром был полковник А. П. Мансуров¹⁷. С. Т. Аксаков в «Семейной хронике» дает ему следующую характеристику: «Командир полка... добрейший и любезнейший из людей, любимый всеми без исключения, генерал-майор Мансуров, прославившийся потом с Суворовым на Альпийских горах при переправе через Чертов мост»¹⁸. В «Детских годах Багрова-внука» писатель упоминает, что «добрейший генерал Мансуров, страстный охотник до всех охот...» являлся также увлеченным рыбаком¹⁹. Позднее А. П. Мансуров был произведен в генерал-майоры, награжден орденом Св. Анны 1-й степени. В 1797—99 годах он шеф Орловского мушкетерского полка. В комментарии к переписке Г. С. Волконского ошибочно указано, что полк, стоявший в Уфе, А. П. Мансуров получил после Итальянского похода. На самом деле это было раньше. К 1807 году он был произведен в генерал-лейтенанты и находился в отставке. Овдовев, женился вторым браком на А. Н. Булгаковой. Умер в 1810 году²⁰.

Как мы отметили выше, привлечение иррегулярной кавалерии Оренбургского края к участию в русско-шведской войне оказало решающее влияние на историю Южного Урала в первой половине XIX века. Наиболее ярко это выразилось во введении кантонной системы управления в крае.

Если обратиться к литературе, то введение кантонной системы управления представляется необъяснимым явлением, неким странным происшествием. «10 апреля 1798 г. в Башкирии была введена кантонная система управления, которая с небольшими изменениями просуществовала до 1865 г.»²¹. «В Башкирии в 1798 г. была введена кантон-

ная система управления, распространенная на башкир и мишарей, оренбургских и уральских казаков. ...Игельстром подготовил проект закона о переводе башкирского населения в военное ведомство, новой системе управления в крае и порядке службы на границе между Россией и Казахстаном»²². В 1797 году, «проведя смотр всем прилинейным войскам, Игельстром пришел к выводу о необходимости реформирования в них системы управления и предложил Сенату новую систему — «кантональную»»²³.

Лишь в специальной работе, посвященной кантонной системе управления, указывается на ранние мероприятия инициатора ее О. А. Игельстрома²⁴. Основной целью введения такой системы автор монографии считает «предупредить башкирские восстания, окончательно умиротворить башкирский край и создать плацдарм для дальнейшего наступления на Среднюю Азию»²⁵. Соглашаясь с ним в отношении двух первых причин, заметим, что более широко их можно трактовать как интеграцию нерусских народов края (башкир, мишарей, калмыков, у которых также была кантонная система) в состав империи. Что же касается создания плацдарма для продвижения в Среднюю Азию, то такая цель не стояла перед правительством вплоть до середины 1860-х годов. Кантонная система создавалась, скорее всего, для лучшей организации пограничной службы на Оренбургской линии, не требующей привлечения регулярных войск, находящейся на самообеспечении. А. З. Асфандияров также привел примеры кантонных систем в Австро-Венгрии, Пруссии, России (сербские поселенные полки на Украине) и пришел к мысли о том, что этот опыт был впоследствии повторен в системе военных поселений Аракчеевым.

В Российском государственном архиве древних актов в фонде «Госархив. Дела военные» нами выявлен подлинник «Представления барона Игельстрома о военных действиях против шведов», которое адресовано императрице Екатерине II и написано, скорее всего, в Выборге в мае 1790 года. Барон предлагает ряд мер по усилению русской армии за счет войск Оренбургского корпуса, как регулярных, так и иррегулярных. Кроме того, он предлагает особые меры по устройению корпуса: «Чтоб везде, где по обстоятельствам надобность востребует, действовать мог; чтоб временно отлучаться мог от линии им охраняемой, но так, чтоб отлучка его не повергла линейные укрепления какой-либо опасности и не нанесла им вреда; чтоб и в зимнее время полевые укрепления и передовые посты сильнее, нежели ныне заняты были»²⁶. Касаясь основной задачи корпуса — охраны пограничной линии, — О. А. Игельстром предлагает следующее: «Как Оренбургский корпус в краю его расположения не может иметь дела с другим неприятелем, как только с таким, главнейшие силы коего состоят единственно в поспешных его движениях, так надлежит всегда иметь в предмете, чтоб противу сего неприятеля предуготовить надобно поспешно действующие силы, почему неминуемо нужно усилить Оренбургский корпус такими иррегулярными войсками, которые имели бы некоторое подобие регулярным войскам как по виду, так и в значениях. ...И так крайне надобно, чтоб для умножения в Оренбургском корпусе иррегулярных войск набрать из башкирцов десять и из мешеряков пять сотен, чиня им набор не по наряду, но вызвав охотников и снабдив их из казны по примеру казачьих полков жалованьем, провиантом и прочим снаряжением»²⁷.

Как видно из данного «Представления...», планы реформирования всей системы несения службы на Оренбургской пограничной линии начали складываться у О. А. Игельстрома еще в 1790 году, а не во время объезда 1797-го. Введение кантонной системы управления в Оренбургском крае было реализацией идей О. А. Игельстрома, для чего он, скорее всего, был в 1796 году назначен оренбургским военным губернатором ²⁸.

Он стал героем уже скверного анекдота в современной публикации документов, в числе которых В. В. Стольников поместил рескрипты императора Павла I оренбургскому генерал-губернатору барону О. А. Игельстрому ²⁹. Мало того что уровень публикации крайне невысок, а примечания скудны, автор просто не разобрался в исторических реалиях того времени ³⁰.

Во введении Стольников допускает массу грубейших ошибок, в некоторых случаях произвольно трактует документы. Так, барон Игельстром, известный в исторической литературе как Осип (иногда писался как Иосиф) Андреевич, автором переименован в Отто Андреевича. Ничем не подтверждается загадочная фраза о том, что «генерал-губернатор создал несколько новых городов и укрепил некоторые старые». Какие города он создал? Жившие в крае башкиры, татары, казахи автором названы «народности». Здесь же В. В. Стольников неправильно склоняет слово «башкиры». Вероятно, надо писать «на землях башкир», а не «башкиров», как почему-то считает он. Необходимо было пояснить, что в современной литературе мешчеряки именуются мишарями, а киргизкайсаки — казахами. Во вводящей статье публикатор отмечает, что император Павел I особо контролировал «способы расквартирования, обмундирования и продовольственного обеспечения полков», находившихся в Оренбургской губернии. Это действительно так, но объяснялось тем, что полки были созданы сравнительно недавно, в ноябре 1796 года, поэтому вполне объяснимо обилие указов на военную тему. Ничего не сказано о том, что О. А. Игельстром был смещен с должности оренбургского военного губернатора после смотра тех самых полков Павлом I в Казани в 1798 году. Об этом писал в своих записках Л. Н. Энгельгардт ³¹. О губернаторстве О. А. Игельстрома в 1784—1792 годах сохранились записки О. Б. Мертваго ³². Мимо внимания публикатора прошло введение кантонной системы управления краем.

Самое тяжелое впечатление производит текст публикуемых документов, в которых допущены либо ошибки, либо неправильное прочтение слов. Например, в документе № 8 речь идет о Кизильской дистанции Оренбургской пограничной линии, но никак не «Кизинбской», как указывает публикатор. Если такое действительно имеется в тексте, в чем мы сомневаемся, то необходимо привести правильное название в примечаниях. В этом же документе следует читать «чиновникам де тептерского полку», а не «тентерского», так как в это время существовал Уфимский казачий полк из тептярей. Здесь же необходимо было указать в примечаниях, что тептяри — это сословие, существовавшее в Башкирии с 1730-х годов по 1865 год и состоявшее из народов Поволжья и Приуралья — татар, чувашей, марийцев, мордвы, удмуртов, башкир, живших на правах припущенников.

В документе № 9 автор публикации неверно поставил запятую, сразу исказив смысл

документа. Запятая в предложении, где говорится об «Оренбургском драгунском, Рыльском мушкетерском полках», поставленная после слова «Оренбургский», создает впечатление о трех полках вместо двух, то есть непонятно, какой Оренбургский (в то время были драгунский и гарнизонный), драгунский (без названия) и Рыльский мушкетерский полки. Такого рода публикации мало того что сами по себе представляют анекдот, еще и вводят в заблуждение неискушенных в тонкостях региональной истории читателей.

Завершая наш анализ фактов и событий военной истории Южного Урала в конце XVIII века, отметим их органичную взаимосвязь с военной историей России того времени. Победы русской армии достигались не только благодаря блистательной гвардии и донским казакам, как иногда представляется в современной популярной литературе. Армейские полки, иррегулярные команды, все возможные и невозможные компоненты армии того времени использовало военное руководство для достижения этих побед. Российская провинция, как видим, была не столько наблюдателем военной жизни страны, сколько ее активным участником. На такой вывод наталкивают нас архивные источники по военному прошлому России. Если отбросить ошибки, связанные со стереотипами прежней историографии, подойти к ней не как к анекдоту, а как к полезному знанию, то многие загадочные явления станут понятными, а история России XVIII — первой половины XIX века — более объяснимой.

¹ См.: *Милютин Д. А.* История войны 1799 года между Россией и Францией в царствование императора Павла I. Т. 1—3. СПб., 1857; *Дубровин Н. Ф.* Присоединение Крыма к России. Т. 1—4. СПб., 1885—1889; *Орлов Н. А.* Штурм Праги Суворовым в 1794 году. СПб., 1894; Вопросы военной истории России: XVIII и первая половина XIX веков. М., 1969; *Золотарев В. А., Межевич М. Н., Скородумов Л. Е.* Во славу отечества Российского. Развитие военной мысли и военного искусства в России во второй половине XVIII в. М., 1984; *Суворов А. В.* Письма. М., 1986; *Лопатин В. С.* Потемкин и Суворов. М., 1992; Век Екатерины II. Дела Балканские. М., 2000; *Рогоулин Н. Г.* «Полковое учреждение» А. В. Суворова и пехотные инструкции екатерининского времени. СПб., 2005.

² См.: Новая иллюстрированная энциклопедия. Кн. 1. М., 2003. С. 190.

³ См.: Республика Башкортостан. 2004. 18 июня.

⁴ См.: *Мякушин А. И.* Песни Оренбургских казаков. Оренбург, 1904. Т. 1. Песни исторические. С. 284. Авт. примеч. С. Н. Севастьянов.

⁵ *Казин В. Х.* Казачьи войска. СПб., 1912. Репр. изд. М., 1992. С. 259.

⁶ См.: *Усманов А. Н.* Башкирский народ в Отечественной войне 1812 г. Уфа, 1964. С. 13. Явные ошибки: армией командовал И. П. Салтыков, а не М. И. Кутузов; финляндская армия не могла воевать в Прибалтике.

⁷ См.: *Беликов Т. И.* Калмыки в борьбе за независимость нашей Родины. Элиста, 1965.

⁸ *Войнов В. М.* История войска Оренбургского. Оренбург, 1992. С. 7.

⁹ История казачества Урала: Учебное пособие. Оренбург; Челябинск, 1992. С. 78—79.

¹⁰ История Башкортостана с древнейших времен до 60-х годов XIX в. Уфа, 1996. С. 289.

¹¹ Российский государственный военно-исторический архив (далее — РГВИА), ф. 41, оп. 1, д. 179, л. 3—3об.

¹² РГВИА, ф. 490, оп. 1, д. 2497. Формулярные списки Оренбургского драгунского полку от

1790 года о состоящих в оном штаб и обер-офицерах.

¹³ Одним из офицеров был подполковник Николай Александрович Чирков. Во время русско-турецкой войны, командуя батальоном гренадеров, посаженных на суда гребной флотилии, он «за мужество, оказанное в сражении 7 июня 1788 г. на Лимане Очаковском», был награжден золотой шпагой, а за взятие 17 июня пленных произведен в полковники (13 июля 1788 года). В дальнейшем за Очаков ему был пожалован орден Св. Георгия 4-й степени. 21 октября 1789 года Чирков перевелся в Старооскольский пехотный полк и участвовал в составе эскадры адмирала Ф. Ф. Ушакова в десантах и сражениях 1790—91 года. 7 июня 1791-го вновь был переведен в Оренбургский драгунский полк, 1 января 1793-го произведен в бригадиры. 27 февраля 1796-го уволен в отпуск на 10 месяцев, 1 июля того же года произведен в генерал-майоры. В марте 1797 года был зачислен в Кавказский корпус и назначен шефом Тифлисского пехотного полка, 22 октября вышел в отставку по болезни. С 1792 года Н. А. Чирков был женат на Елизавете Петровне Татищевой. Выйдя в отставку, жил в Москве. См.: *Епифанова Н. П.* Чирковы. Воскрешение древнего дворянского рода. СПб., 1999. С. 37.

¹⁴ РГВИА, ф. 41, оп. 1, д. 167, л. 42—42об.

¹⁵ Российский государственный архив древних актов (далее — РГАДА), ф. 16, оп. 1, д. 991, ч. 1, л. 105: «Сформированному полку быть готовым... к выкомандированию на службу в Полоцкую губернию».

¹⁶ РГАДА, ф. 16, оп. 1, д. 991, ч. 3, л. 13.

¹⁷ См.: *Рахимов Р. Н.* История Уфимского пехотного полка. 1796—1833. Уфа, 2004. С. 16.

¹⁸ *Аксаков С. Т.* Семейная хроника. Детские годы Багрова-внука. М., 1987. С. 218.

¹⁹ Там же. С. 337.

²⁰ См.: Архив декабриста С. Г. Волконского. Пг., 1918. Т. 1, ч. 1. До Сибири. С. 187.

²¹ Очерки по истории Башкирской АССР. Уфа, 1959. Т. 1, ч. 2. С. 33.

²² История Башкортостана с древнейших времен... С. 342.

²³ *Семенов В. Г., Семенова В. П.* Губернаторы Оренбургского края. Оренбург, 1999. С. 125.

²⁴ См.: *Асфандияров А. З.* Кантонное управление в Башкирии (1798—1865 гг.). Уфа, 2005. С. 20.

²⁵ Там же. С. 21.

²⁶ РГАДА, ф. 20, оп. 1, д. 319, л. 8об.

²⁷ Там же, л. 9об.

²⁸ До этого в 1784—1792 годах он был Сибирским и Уфимским генерал-губернатором.

²⁹ См.: «Вам кроме воли моей дороги нет». Рескрипты императора Павла I Оренбургскому генерал-губернатору барону О. А. Игельstromу. 1796—1797 гг. // Исторический архив. 2003. № 1.

³⁰ Сразу необходимо отметить, что часть рескриптов, например № 23, 28, 39, 41 и 45, были уже опубликованы в «Материалах по статистике, географии, истории и этнографии Оренбургской губернии» (Вып. 2. Оренбург, 1889) под названием «Именные указы императора Павла I Оренбургским военным губернаторам. 1797—1800». В том же году они вышли отдельным изданием под названием «Архив бывшего Оренбургского генерал-губернаторского управления. Вып. 1. Указы Оренбургским военным губернаторам императрицы Екатерины II (1764) и императора Павла I (1797—1800)» (Оренбург, 1889).

³¹ См.: *Энгельгардт Л. Н.* Записки. М., 1867 (последнее издание — М., 1997).

³² См.: *Мертваго О. Б.* Записки // Русский архив. 1867. № 8—9.